Марченко Светлана (актриса) 28.02.05.

АНАТОМИЯ ЖИЗНИ

Мы всегда удивляемся, когда успешные в творческой и личной жизни люди выбирают такой, казалось бы, странный путь. Бывшая актриса Ольга Гобзева — теперь инокиня Ольга. Режиссер, сценарист и актер Иван Охлобыстин принял сан священника — сегодня он отец Иоанн. Свой выбор в пользу церковной жизни сделала актриса Екатерина Васильева. У каждого — разные изгибы судьбы и даты, за которыми осталась совсем другая жизнь. Светлана Марченко изменила свою биографию не в один день. Актерский блеск, бесчисленные романы и откровенные наряды — все в прошлом. Ее реальность — это домик в деревне и сельский храм с долгими-предолгими службами. Зато теперь она по-настоящему счастлива.

Как Светлана Марченко стала Фотиной Никольской

МОСТИК В РАЙ

"Дорогая матушка Варвара! Простите почерк, у меня падает зрение, мне 98-й год. Пишу Вам по просьбе моей молодой приятельницы, верующей, имеющей желание и мужество порвать с театром, перестать быть актрисой. Она советовалась с моим духовным отцом Александром Шергуновым и со мной, и совет ей дан один: **делать это не сразу** (выделено автором письма. — **Е.С.**). Сейчас идет столетие моей сестры — поэта Марины Цветаевой, известной всему миру. Светлана ведет моноспектакль о ней. В будущем она думает о монастыре, но ее держит семья — мать и дочь 13 лет. Дорастив ее, она вплотную подойдет к этому вопросу. Если она сможет, она с Вами увидится. Ее имя Светлана Васильевна Марченко. Ей 36 лет. Прося Вашего благословения ей и себе, целую руку Вашу. Увы, в Эстонию я уже не соберусь. Ваша Анастасия Цветаева".

Записка адресована настоятельнице женского Богородичного Пюхтицкого монастыря.

Передо мной та самая Светлана, в крещении Фотина, только двенадцать лет спустя. Темные волосы, светлые глаза. Лицо характерной актрисы. И платок — как знак смирения. Дочь Алиса выросла и воспитывает дочку Музу — Мурзилку. Фотина пока не приняла монашеский постриг. Но из театра давно ушла. Бросила Москву. Живет в селе Никольском Ярославской области. Окна ее дома смотрят на Никольский храм.

...Словно с высоты птичьего полета она видела искореженный автомобиль, врача, кричащего шоферу "скорой": "Быстрей!", свое окровавленное, похожее на тряпку тело, черные снеговые тучи и слабый серый просвет — как луч. Чувство поразительной, ни с чем не сравнимой свободы делало ее счастливой и не отпускало на землю, туда, где ждали, казалось, только боль и кровь. Потом она напишет песню, которую назовет "Возвращенная" — о себе, стоявшей на пороге смерти.

А тогда была операционная, белые халаты, слепящий свет, требовательный голос доктора: "Говори что-нибудь, не молчи!" "Я вас умоляю, зашейте аккуратно, меня пригласили на роль Марины Цветаевой", — в тот момент актрису Светлану Марченко не волновали ни дочь, ни мать, ни муж. Последней ниточкой сознания она цеплялась за роль. В конце концов, не каждый день артистку из провинции приглашают на "Мосфильм". Даже если она фантастически похожа на свою героиню.

...Через полгода, после двух трепанаций черепа, она выпишется из больницы и впервые в жизни переступит порог храма. "Я умирала, осталась жива. Что мне делать?" — спросит у старушки за свечным ящиком. "Поблагодари Господа, поставь свечку". Она растеряется: как благодарить? "Ты некрещеная?" — поймет старушка.

■ ■ ■

— Крещение приняла только через три года, когда вышла из комсомольского возраста, — говорит Светлана. — Я ведь в начале восьмидесятых была секретарем комсомольской организации и застала еще времена, когда на Пасху активисты стояли в оцеплении и не пускали молодежь в храм. Вести двойную жизнь не хотела. В райкоме комсомола мне торжественно вручили билет на память, а на следующий день я открыто пошла в храм.

Когда Светлане предлагали стать освобожденным секретарем комсомольской организации консерватории, она отказалась. Потому что все блага, которые сулила эта номенклатурная должность, перечеркивал один жирный минус: девушке пришлось бы выбросить свой легкомысленный гардероб и носить строгий костюм-тройку. А она любила эпатировать публику откровенными нарядами. Ей надо было, чтобы на нее оглядывались. Юбочки-мини, прозрачные блузки, умопомрачительные разрезы — бабушки крестились вслед и приговаривали: "Свят, свят, свят!"

От прежней, доцерковной жизни Светланы Марченко не осталось и следа. Она не пожалела даже старых фотографий — сожгла недрогнувшей рукой. В ее фотоальбоме только осколки прошлого: детские, школьные и свадебные снимки. Это — все. Словно и не было Светы — звезды знаменитых алма-атинских тусовок конца семидесятых, на которых собирались художники, актеры, журналисты. Светлана порхала по жизни беззаботной бабочкой. Каждое ее появление вызывало восхищенную реакцию: "О!" И никто, ни один человек не подозревал, что в детстве она пережила ужасную драму.

— Не знаю, надо ли об этом писать? — она тяжело вздыхает, как перед прыжком в ледяную воду, и решается. — Когда мне было шесть лет, меня заманил на чердак и изнасиловал сосед, недавно вернувшийся из заключения. Он предупредил: "Скажешь кому-нибудь — уничтожу, пожалуешься матери — убью мать!" И я молчала. Мне казалось, что я грязная, нечистая, плохая, не такая, как все. Чтобы справиться с этим комплексом, изо всех сил тянулась наверх. Училась на пятерки, устраивала себе ежедневные тимуровские рейды: помогала старушкам. Было непреодолимое желание очиститься.

После окончания консерватории восемь лет работала в академическом русском театре актрисой. Заочно училась в ГИТИСе режиссуре массовых представлений на курсе профессора Андрея Николаева. Ей все было интересно, она пробовала себя на студийных сценах, участвовала в Первом международном театральном фестивале в Ужгороде. А потом с экспериментальной группой отправилась учиться в Данию в международную театральную лабораторию совершенствовать актерское мастерство.

— Начало девяностых, жизнь на грани нищеты. В чем было ехать? Не в драном же полушубке! — вспоминает Светлана. — Осенило меня в метро, когда увидела морских офицеров в черных шинелях: вот оно! Сразу решилась: "Простите, я актриса, мне для роли нужна шинель. Не подскажете, где достать?"— "Могу подарить вам свою старую", — галантно предложил моряк. Я нашила на шинель якорьки и прочую атрибутику, из цветной шерсти связала себе остроконечную шапочку с длинными ушами и кисточками, захватила гитару в тряпочном чехле и отправилась покорять Запад. Добирались на перекладных, через Хельсинки и Стокгольм. В шведской столице жила моя подруга Вероника, и я везла подарок от ее мамы: две буханки бородинского хлеба и банку с облепиховым вареньем — единственное, чего не хватало в Швеции.

Свадьба Светланы и Сергея.

АЛЕКСАНДР АСТАФЬЕВ

— Как реагировали горячие шведские парни на экстравагантную русскую? Оборачивались вслед?

— Машины останавливались! "Ну, Светка, ты — молодец! — поразилась Вероника. — Буржуя удивить очень трудно. Его надо только по голове ударить, чтобы заставить остановиться!"

В подземном переходе у центрального вокзала она увидела поющих пуэрториканцев и подумала: почему бы и нет? Руководитель выдавал труппе гроши только на туалет, а кругом было столько соблазнов.

Она устроилась на полу по-турецки, достала гитару, положила перед собой шапку и запела. Но люди шли мимо. Светлана посмотрела на себя со стороны: она сидит, опустив голову, в этом переходе в своей занятной шинели и тянет протяжные русские песни о любви — стыдно и смешно! И тогда ее охватил творческий азарт: сможет ли она заставить эту сытую публику слушать.

— Я поняла, что брать можно только глоткой. Подняла глаза и заголосила. Люди начали останавливаться, бросать деньги, а один человек простоял все 40 минут моего импровизированного концерта. Это был Ханс, социолог и экономист. Он спросил: "Кто ты? Почему здесь поешь?" "Потому что кушать хочется", — честно ответила я. Он оставил свою визитную карточку и взял с меня слово, что на обратном пути я ему позвоню. Когда я вернулась к своей группе, довольная, с деньгами и вкусной едой, накупленной на всех, встретила враждебный прием: "Нам ничего не надо!"

Возвращаясь в Россию через Стокгольм, Светлана позвонила своему шведскому почитателю. Они встречались каждый день, ходили по музеям и ресторанам. А из ярких витрин строил глазки богатый Запад. Там было много чудесных вещей, но русская актриса, словно Козетта — героиня Гюго, заплакала над куклой Барби. Это теперь она считает ее вредным секс-символом, который хочется наряжать, а не нянчить, а тогда американская мечта завораживала до слез. Ханс заваливал Светлану подарками. Она увезла в Москву и Барби-невесту в роскошном платье, и музыкальный центр последней модели, и безумно дорогой фотоаппарат, и многое другое. "Какой нормальный швед будет так опекать чужого человека?" — недоумевали знакомые. "Значит, я ненормальный швед, — отшучивался Ханс. — Я просто чувствовал, что должен ей помогать".

Вскоре ее пригласили в Данию с моноспектаклем по произведениям Марины Цветаевой "Поэт — издалека". После представления были фуршет и нескончаемые восторги, а Светлану вдруг прожгла мысль: "Зачем я здесь? Ради чего бросила семью? Я достигла своего творческого Эвереста. А что дальше?" Это был ее последний спектакль.

■ ■ ■

— Марина была моим кумиром со школьной поры, — рассказывает она. — Когда мне было 13 лет, руководитель драмкружка подарил тетрадку с запрещенными тогда стихами Цветаевой, Гумилева, Ахматовой. Тонкая вязь цветаевских строк кислородом проникла в кровь, разнеслась по венам. Я писала песни на ее стихи. Мне хотелось знать о ней все. А в Москве жила младшая сестра Марины — Анастасия Ивановна. И однажды знакомые привели меня к ней, в ее квартиру на Большой Спасской. Я стала бывать в этом доме. Анастасия Ивановна, глубоко верующий человек, просила меня читать ей духовную литературу. "Светочка, — говорила она, — почитайте мне "Жития святых". Я читала как автомат, надеясь побыстрее завершить этот процесс и перейти наконец к чаепитию и разговорам про сестер Цветаевых. Господь вел меня к себе через многих людей, это понимание пришло позже.

Например, через Андрея и Любу, бывших актеров, из религиозных побуждений оставивших сцену. Когда они звонили в дверь и Светлана в "глазке" узнавала знакомые лица, ее охватывала тоска: "Сейчас опять начнут про Бога — не покуришь, не пообщаешься". Однажды Андрей и Люба отвезли ее к отцу Алексею в село Радищево — бывшее Никольское.

Старенький сельский батюшка исповедовал ее два с половиной часа, всю жизнь по косточкам разложил. "Может, мне постриг принять?" — спросила в конце Светлана и услышала отповедь: "Новоявленная инокиня приехала! Рогами за провода цепляется, хвост до Углича, копытами чечетку отбивает! Ангельского чину захотелось! Если бы ты умерла в этих грехах, ушла бы в тартарары!"

— Грешила я много. — говорит Светлана. — Бесконечные романы, увлечения. Любви не было. Чужие судьбы ломала. После изнасилования я не воспринимала "дядек" — взрослых мужчин и крутила романы только с мальчишками. В этом был плюс: хоть семьи не рушила. И аборты делала, не слишком задумываясь, какой это страшный грех. Читаешь объявления: "Аборт за час, в день обращения, недорого". А если назвать вещи своими именами: "Убиваем младенцев в день обращения, недорого", — может быть, это кого-нибудь остановит?

Светлана зажигала лучше всех.

— Но замуж выходили по любви?

— У меня была только первая любовь в школьном возрасте, а потом я искала черты моего Сергея в других мужчинах. Само имя Сережа значило для меня так много, что, если бы моего жениха звали иначе — Ваней, Петей или Игорем, — я не вышла бы за него замуж. Я не понимала, что семья — это ответственность, забота о другом человеке, преодоление собственного эгоизма, самопожертвование в конце концов. Мне все это было скучно. Когда дочери Алисе исполнилось шесть лет, мы с мужем разошлись. Потом он погиб. Сергей хотел нормальной семьи, а я говорила: "Ты — серая мышь. И хочешь, чтобы я была такой же серой мышью? И мы вместе воспитывали маленького серенького мышонка? Этого никогда не будет!" У меня был театр, мир искусства, а все остальное казалось слишком мелким и прозаичным. Каюсь в своих грехах и прошу прощения у всех, кому причинила боль. У меня есть песня "Дорожная", в которой такие строки: "Мимо храма, мимо Бога, оставляем на потом. Бесконечная дорога, словно на колесах дом. Сколько мне еще осталось? Километров, дней, минут? Много или только малость? Может, завтра Божий суд".

После исповеди, перетряхнувшей все ее прошлое, Светлана спросила совета, как быть дальше. "Продай все, купи домик в деревне рядом с храмом и живи во славу Божию!" — сказала ей баба Валя, сестра священника. Она подумала: "Как просто!"

Оказалось, не так уж просто. Потому что пришлось ломать привычный строй жизни. Мама старенькая еще жила в Алма-Ате, дочка Алиса была подростком. И надо было уходить из профессии, которая еще недавно значила для Светланы так много. Отец Аркадий (Шатов), настоятель московского храма Святого благоверного царевича Димитрия при Первой Градской больнице, разрешил ее сомнения: "Церковь — это зеркало, которое отражает небо, театр — это зеркало, которое отражает землю, а современный театр порой и то, что под землей. Вот и выбирай, что отражать".

Актриса Государственного академического русского театра драмы им. Лермонтова Светлана Марченко.

Ей хотелось отражать небо. Месяц ходила на спевки в храм, и только тогда ей разрешили вместе с хором пропеть: "Господи, помилуй". Светлана открыла рот и ужаснулась: впервые в жизни ей изменил голос. Рядом чисто выводили ноты простые девочки, без консерваторского образования и особых музыкальных данных, но их пение отзывалось комом в горле и мурашками по коже, а у нее, актрисы и певицы, получались какие-то хрипы. Она поняла: рано ей еще славить Бога.

■ ■ ■

Когда Светлана узнала, что в Никольском продается дом возле храма, она больше не раздумывала. Продала музыкальный центр, фотоаппарат — подарки Ханса. Денег как раз хватило на избушку. "Света, ты круто меняешь свою жизнь, — сказал Андрей, провожая ее в деревню, — чего ты больше всего боишься?" — "Боюсь, — честно отвечала она, — что без брюк жить не смогу". — "Тогда я за тебя спокоен", — улыбнулся он.

Надо было еще вывезти из Алма-Аты маму с Алисой. Светлана ровно 40 дней читала акафист святителю Николаю, и 4 мая, на сороковой день, все разрешилось, а 5-го она уже стояла на вокзале в Угличе с газовой плитой, с вещами, с двумя гитарами.

"Батюшка, что делать с гитарами?" — спросила она священника. "Фотинка, гитара — инструмент хороший, но дорогую продай, с концертами тебе не ездить, — рассудил он, — а рабочую оставь. Господь тебе дал дар сочинять стихи и музыку, может быть, когда-нибудь станешь писать духовные песни, а выше этого нет ничего". Концертную гитару Светлана вскоре продала и на вырученные деньги построила баньку. Как только село, переименованное в конце двадцатых из Никольского в Радищево, получило старое название, она без сожаления рассталась с московской пропиской и стала первым человеком, зарегистрировавшимся в Никольском.

Девять долгих лет деревенские ее не принимали. Разве что знакомые богомольные бабушки относились ласково, но местное общество чужачку отвергало. "Артиська-аферисьга! Миллионерка!" — кричали вслед. "Ишь, козла ей подавай!" — захлопывала перед носом дверь соседка, когда Светлана приходила по женской надобности своей козы.

Конечно, было непросто, особенно на первых порах. За пение на клиросе батюшка денег не платил, на мамину пенсию втроем было не прожить. Светлана семь лет проработала начальником почтового отделения. Извещения, квитанции, телеграммы, бандероли. "Ну, ты, обслуга, поторапливайся!" — приговаривала Светлана, вспоминая, как теми же словами в Москве, отправляя маме посылку, шепотом ругала почтовых операторов за медлительность. Рикошет.

Деревенская жизнь осваивалась тяжело. Когда-то Светлана берегла руки, даже посуду мыла только в перчатках, а теперь своими холеными пальчиками доила коз, топила печь, копалась в земле. Над огородом плакала горючими слезами, грядки выходили — загляденье, но какой ценой! Однажды подступила к священнику: "Батюшка, трудно одной в деревне. Может, мне замуж выйти?" — "Рожать будешь?" — в упор спросил священник. "Нет, мне нельзя после черепно-мозговой травмы". — "Значит, похоть тешить? Не натешилась еще?"

— Неужели искушений не было? — спрашиваю я.

— В деревне искушений мало. Местные мужики в большинстве своем люди пьющие, они сами себя называют опойками и посмеиваются: "Нас еще помыть можно". Да мне это уже не нужно. Я счастлива. У меня есть семья: дочь с мужем и любимая внучка Муза. Она в храме как дома.

Когда в сельском клубе в престольный праздник при полном стечении народа Светлана со слезами на глазах спела песню "Дом" — о Никольском — своей новой родине, что-то перевернулось в сердцах крестьян. Зал плакал. А потом земляки подходили к Алисе и говорили: "Ой, Алиська, а мать у тебя и вправду была артиська!"

— Пишете духовные песни?

— Недавно записала альбом авторских песен, который назвала "Последний день". Но это скорее песни для души. Сделала попытку переложить библейские сюжеты для детей — получилась литературно-музыкальная композиция в стихах "Мостик в рай". Сейчас записываю второй альбом духовных песен — пока в долг.

— На что же вы живете?

— На милостыню, как птичка певчая.

52

Елена СВЕТЛОВА.